

А. Н. Садриева

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ
ДЖ. ЛОККА
«МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ»
В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ
СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА
НОВОГО ВРЕМЕНИ**

УДК 37.01(091)
ББК 74.03(4Вел)5-218

На основе анализа трактата английского просветителя Дж. Локка «Мысли о воспитании» предметом исследования автора статьи стали причины и предпосылки рождения в европейской просветительской литературе нового жанра — романа воспитания, оказавшего огромное влияние на современников и во многом определившего развитие просветительской педагогической мысли, литературы и культуры в целом.

Ключевые слова: европейская просветительская литература; роман воспитания.

A. N. Sadrieva

**JOHN LOCKE'S PEDAGOGICAL TREATISE
"SOME THOUGHTS CONCERNING EDUCATION"
IN THE CONTEXT OF PHENOMENOLOGY
OF SUBJECT FORMATION
IN MODERN TIMES**

Analyzing the English educator John Locke's treatise "Some Thoughts Concerning Education" the author issues the reasons and preconditions of genesis of a new genre in European educational literature — the novel of education which had an enormous influence on the contemporaries and largely determined the development of educational pedagogical thought, literature and culture in general.

Key words: European educational literature, a Bildungsroman (novel of education).

Хотя произведения, главной темой которых является воспитание, известны, начиная с античности (например, «Киропедия» Ксенофонта), временем рождения романа воспитания как новой литературной формы стала эпоха Просвещения. Именно в национальных литературах Просвещения появляется целая плеяда романов, описывающих формирование субъекта.

Какие причины обусловили появление в просветительской литературе новой формы? Ряд исследователей в качестве таковых указывают на интерес авторов-просветителей к вопросам воспитания, проявившийся в рождении педагогических трактатов и закономерно перешедший в создание художественно-воспитательной формы. Чем, в свою очередь, можно объяснить этот интерес, равно как и общий воспитательный пафос Просвещения? Причины его лежат в самом характере эпохи и ее взгляде на человека.

Для просветителей человек, прежде всего, разумен. Сам термин «Просвещение» утвердился после статьи И. Канта (1784), в которой просвещение предстает «выходом человека из состояния несовершеннолетия, которое есть неспособность пользоваться разумом без руководства со стороны кого-то другого»¹. Разумность выступает синонимом самостоятельности, активности, свободы субъекта. Человек может и должен мыслить и действовать свободно и самостоятельно в самых различных сферах. Отсюда

проистекает вера в разум как силу, способную не только познать мир, но и перестроить на разумных началах социальные отношения — кантовский выход человека из состояния «несовершеннолетия». Великое упование Просвещения состояло в том, что мир можно и нужно изменить к лучшему. «Современность, — пишет Д. Кларк, — предложила мечту о достижимом порядке»².

Но просветители не могли не видеть, что такая точка зрения на человека мало согласуется с тем, каков он есть в действительности. Реальный их современник предстал как бы искаженным подобием «истинной человеческой природы», которую легче было обнаружить в прошлом или в отдаленных странах. Поэтому одной из основных своих задач просветители считали совершенствование и исправление человеческой природы. Это обусловило их глубокий интерес к вопросам воспитания личности и стало причиной рождения различных педагогических теорий. Задача искусства Просвещения также мыслится идеологами эпохи в духе ее названия — просвещение народов, исправление нравов, воспитание личности разумной, активно созидательной, свободной.

Однако идея прогрессивного развития приводит к возрастанию рациональности, которая призвана очертить контуры грядущих перемен и инструментализировать пути их осуществления. Причем рациональность совре-

¹ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Соч. в 6 т. Т. 6 : пер.; под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др. М. : Мысль, 1966. С. 27.

² Кларк Д. Б. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3-4 (34). С. 37.

менности сравнима с рациональностью капиталистического хозяйства, где все основано на расчете по количественным критериям. Это счетное измерение классической рациональности находит отражение в систематизации накопленных фактов, построении таксономии, составлении списков, кропотливом заполнении таблиц, что подробно рассматривает, например, М. Фуко в своей монографии «Надзирать и наказывать», в идее регламентированности всего и вся¹.

Еще одним следствием мечты о достижимом порядке стала стандартизация всех областей: законов, поведения, мышления — для того чтобы было легче управлять всем этим, занимаясь общественным переустройством. Современность рождает понятие человеческой нормы. «Нормальное становится принципом принуждения в обучении с введением стандартизованного образования и возникновением “нормальных школ”», — пишет М. Фуко².

Унификацией реальной малоупорядоченной жизни по созданным заранее планам, таблицам занимаются различные социальные институты, которые создают свои собственные нарративы этого процесса. Так, педагогический нарратив формирования субъекта был сформулирован в двух наиболее авторитетных концепциях своего времени:

трактате Дж. Локка «Мысли о воспитании»³ и романе-трактате Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании»⁴. Локк прорабатывает физическое, нравственное и умственное содержание воспитания, определяя его результатом человека физически крепкого, добродетельного, деятельного, умеющего владеть собой, обладающего ясной мыслью и жизненно необходимыми знаниями, «умеющего вести свои дела толково и предусмотрительно»⁵. В дальнейшем, все ссылки на текст даются по этому изданию]. Руссо выделяет четыре возраста воспитанника, в каждом из которых воспитатель должен привить ему определенные представления, сформировать те или иные личностные качества, научить различным умениям. Таким образом, воспитание, задающее человеческую норму и одновременно образец в духе просветительской концепции личности, и характерная табличная логика этого процесса, его рационализирование, разделение на роды и виды, выделенные нами как установки начала современности, предстают как у Локка, так и у Руссо.

Обратимся к трактату «Мысли о воспитании». Созданный Дж. Локком на основе частной переписки 1684—1691 гг. с Эдвардом Кларком и во многом сохранивший ее непринужденный интимно-дружеский стиль

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать [Электронный ресурс]; пер. с франц. Владимира Наумова под ред. Ирины Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

² Там же.

³ Локк Дж. Мысли о воспитании // Соч. В 3 т. Т. 3 : пер. с англ. и лат. / Дж. Локк. М.: Мысль, 1988. 668 с.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Педагогические сочинения : в 2 т. Т. 1; под ред. Г. Н. Джибладзе. М.: Педагогика, 1981. 656 с.

⁵ Локк Дж. Мысли о воспитании... С. 411.

трактат вышел отдельной книгой в Лондоне в 1693 г. В том же году появилось второе издание, третье (расширенное) датируется 1695 г., четвертое, также расширенное, — 1699-м. Пятое издание, в которое Локк успел внести исправления, вышло в 1705 г., уже после его смерти. Но еще в 1695 г. Пьер Кост опубликовал в Амстердаме французский перевод «Мыслей о воспитании», сделанный с первого английского издания и снабженный многочисленными примечаниями. В 1698 г. в Роттердаме вышел голландский перевод, сделанный с третьего английского издания. Русский перевод появился в 1759 г., хотя педагогическая концепция Локка была известна в России с конца XVII столетия благодаря Симеону Полоцкому, в изводе которого *tabula rasa* предстала «скрижалью ненаписанной».

Первая часть трактата посвящена физическому воспитанию ребенка.

Во-первых, это подробно разработанная система рекомендаций по закаливанию ребенка, в соответствии с которой, например, следует:

1). Заботиться, чтобы дети ни зимою, ни летом не одевались и не закутывались слишком тепло и ходили с непокрытой головой. Локк приводит здесь притчу о том, как скиф дал остроумный ответ афинянину, который удивлялся, что тот может ходить голым в мороз и снег. «Как ты можешь выносить, чтобы твое лицо подвергалось воздействию холодного зимнего воздуха?» — сказал скиф. «Но мое лицо привыкло к этому», — ответил

афинянин. «Вообрази же себе, что я весь — лицо», — возразил скиф.

2). Ежедневно обмывать ребенку ноги как можно более холодной водой, а обувь делать настолько тонкой, чтобы она промокала и пропускала воду.

3). Учить ребенка плавать, так как это умение не только спасет ему жизнь при случае, но с точки зрения закаливания полезно купаться в холодной воде в жаркий день.

4). Ребенку проводить больше времени на открытом воздухе за подвижными играми¹.

Во-вторых, это рассуждения о том, что одежда ребенка не должна быть слишком тесной — сдавливать грудь и другие части тела — автор горячо выступает против ношения корсетов и мундиров в детском возрасте. В этом параграфе приводится анекдот о китайках, о котором мы скажем чуть ниже.

В-третьих, это система здорового питания, у современного читателя вызывающая удивление. Резюме этой части трактата Локк сформулировал так: «Пища должна быть совсем обыкновенной и простой»: без пряностей и специй, горячащих кровь, есть лучше всего один раз в день — ужинать, тут следует притча о римлянах, в самые развращенные времена не начинавших пир до захода солнца, хлеба следует есть как можно больше (чтобы отучить ребенка от капризов, Локк рекомендует давать ему кусок хлеба: «если он голоден, ... он удовлетворится одним хлебом; если же он не голоден, то ему вовсе не

¹ Там же. С. 531.

следует есть»; ломтем хлеба (иногда с маслом и сыром, а лучше без них) полезно завтракать, а также брать его с собою в дорогу — тут Локк приводит анекдот об Октавиане Августе, который брал с собой в колесницу лишь кусок хлеба). Мясо ребенку не нужно давать есть вовсе либо давать не более раза в день и только одного сорта. Питьем ребенка должно быть только слабое пиво, дети не должны пить никаких крепких напитков — тут автор энергично призывает родителей следить за тем, чтобы слуги не спивали детей, следует поразительный для современного читателя абзац: «...ничто не закладывает столь прочного фундамента порче физической и нравственной, как привычка детей к крепким напиткам, особенно если они пьют втихомолку в обществе слуг». Один из самых трудных, признается Локк, вопросов — это вопрос о фруктах. «Из-за него наши прародители рискнули раем, и неудивительно, что наши дети не могут устоять против соблазна, хотя бы это стоило им здоровья» — в этой библейской метафоре суровый пуританский подтекст трактата вдруг прорывается в текст. Целая страница далее посвящена употреблению в пищу плодов с греховного древа удовольствий: не следует есть фрукты «после другой еды» — на десерт, в качестве лакомства, сказали бы мы, есть их надлежит с хлебом, а также совершенно спелыми, а посему детям вовсе не следует давать дынь, персиков, слив, а также винограда, что же остается — клубника, вишня, крыжовник, смородина и яблоки. Но, как бы опомнившись от послабления,

автор восклицает: следует избегать всякого рода сластей!

В-четвертых, Локк говорит о здоровом сне (до семи лет ребенок может спать, сколько хочет — это единственное из всего того, «что похоже на баловство и изнеженность», к чему автор относится снисходительно, однако просыпаться он должен на рассвете, а по достижении семи и до четырнадцати лет продолжительность сна нужно начинать ограничивать восьмью часами) и здоровой постели (постель ребенка должна быть жесткой! — вот главное правило, в этом же параграфе следует поэтическое размышление о том, что привычка к жесткой постели поможет джентльмену выносить тяготы дурного гостиничного ложа во время путешествий).

«Вот все, что я хотел сказать относительно ухода за ребенком при нормальном состоянии его здоровья», — завершает автор первую часть «Мыслей о воспитании». Мы же прежде, чем рассмотреть воспитание нравственное и умственное, обратим внимание на две вещи, которые вызывают удивление, если к ним внимательно присмотреться. Система Локка, несмотря на ее краткость, весьма конкретна, детализирована и дотошна. Но при всей ее дотошности и детализированности мысль Локка — это не мысль врача, предписывающего то или иное, на сегодняшний взгляд, быть может, шарлатанское снадобье для исцеления недуга, но взгляд идеолога, определяющего, как вылепить из человеческого материала готовый продукт — джентльмена. Докажем это на примере локковой

системы аргументации.

Несмотря на то что речь идет о правильном питании, закаливании, удобной для ребенка одежде, то есть, на первый взгляд, советах врача родителям — Локк мог давать рекомендации подобного рода: он получил в Оксфорде степень бакалавра медицины и некоторое время занимался врачебной практикой. При внимательном рассмотрении первых страниц очевидно, что, говоря о здоровье ребенка, автор стремится внушить читателю некие идеи, скорее имеющие отношение к воспитанию характера, чем к укреплению физической конституции. Это не советы врача, точнее, это советы не врача — Локк не использует в качестве примера ни случаи из собственного, пусть и небольшого опыта, ни из опыта коллег, ни тогдашних медицинских светил, на опыте которых он учился. Каким же материалом он оперирует, чтобы убедить родителей-дворян покупать детям дырявую обувь, либо кормить их серым хлебом, либо не принуждать к ношению тесной одежды и корсета, если это не факты из собственной врачебной практики? Локк прибегает к трем типам риторических оборотов, эффективность которых сегодня доказана лингвистами, исследующими политический и рекламный дискурс. В первом случае автор скрывается за безличными конструкциями типа «всем известно»: «*Всем известны* теперь многочисленные случаи, когда холодные купания производят чудеса над людьми с

больной и слабой конституцией, возвращая им здоровье и силу»¹, «...замечено, что китайские женщины очень малы ростом и живут недолго, в то время как их мужчины имеют рост, обычный для прочих мужчин, и живут они столько же. Эти дефекты китайских женщин некоторыми приписываются неразумному затягиванию ног, так как этим затрудняется циркуляция крови и от этого страдают рост и здоровье всего тела»². Такого рода сообщения, являющиеся на деле не доказанными или даже искажающими положение вещей (равен ли рост китайских мужчин росту европейских мужчин?³ живут ли китайки меньше, чем их мужья?), сопровождаясь безличным «всем известно» или «некоторые считают», вызывают у читателя безусловное доверие. Еще более явно привлечение примеров из этой области в случаях, которые могли бы сопровождаться ремаркой «говорят, что»: «В горной части Шотландии и теперь еще некоторые женщины применяют этот режим к своим детям в середине зимы и находят, что холодная вода не причиняет им никакого вреда, даже если в ней плавает лед»³ — перед нами не умозрительное рассуждение, а живой и убеждающий пример — обычай шотландских горцев, дети которых, благодаря суровой закалке, росли крепкими и здоровыми (в физической крепости шотландцев как раз каждый читатель-англичанин Локка вполне мог убедиться на собственном опыте, она вошла в пословицы). Третья рито-

¹ Там же С. 416

² Там же. С. 419

³ Там же. С. 417

рическая фигура, которую использует Локк, это ссылки на авторитет древних — от римской поговорки («он не научился ни грамоте, ни плаванию»), до цитирования «Писем к Луцилию» Сенеки, «Посланий» Горация, Плутарха, Светония и др.: «Август, будущи уже величайшим монархом на земле, рассказывает нам, что он брал с собой в одноколку кусок хлеба»¹, «А что мы скажем о Горации, который ... менее всего сочувствовал строгостям стоического учения?» Между тем и он уверяет нас, что у него была привычка купаться зимою в холодной воде»².

Оценить разумность советов Локка с медицинской точки зрения не входит в сферу нашей компетентности. Для нас важно то, что автора «Мыслей о воспитании» меньше всего волновал вопрос о том, действительно ли рекомендованные им правила приносят пользу здоровью ребенка. Он не исследовал собственную либо чужую практику в поисках ответа на вопрос, так ли это, он формулировал максимы и искал примеры для их подтверждения.

Второе любопытное противоречие первой части — это противоречие между продекларированной свободой, например, свободой от корсета или свободой приема пищи в любое время — и общим тоном, настаивающим на неукоснительной муштре, отказе от своих желаний и самодисциплине. Советы относительно закаливания, правильного питания и здорового сна направлены скорее на воспитание

привычки к железной дисциплине и самоограничению. Физические лишения — необходимость терпеть холод, голод, неудобную постель — призваны были приучить ребенка к повиновению, перебарыванию своих желаний, умению смириться с неудобствами во имя известной воспитателю-идеологу необходимости.

В целом, здесь нет противоречия с общими тенденциями эпохи — муштра и дисциплина локкова трактата находятся вполне в русле становления и возрастания важности дисциплинарных практик, характерной для Нового времени. «...строгий распорядок дня, система запретов и обязанностей, непрерывный надзор, наставления, духовное чтение, целый комплекс средств, “побуждающих к добру” и “отвращающих от зла”, удерживали... в определенных рамках изо дня в день», — это мы цитируем уже не Дж. Локка, а М. Фуко³.

Итак, первая часть педагогического дискурса Нового времени реализуется через феноменологию тела — детализированную систему предписаний-манипуляций с телом воспитуемого. Это характерно и для другого великого педагогического трактата — «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо, в котором мы найдем иногда почти буквальное совпадения с текстом Локка.

Второй вид воспитания ребенка, который выделяет Локк, в истории педагогики обычно именуется нравственным, хотя сам Локк называет его разумным: «Коль скоро мы устано-

¹ Там же С. 421.

² Там же С. 416

³ Фуко, М. Надзирать и наказывать...

вили надлежащий режим для поддержания в теле той силы и бодрости, при котором оно было бы способно подчиняться и следовать указаниям разума, то ближайшая и основная задача заключается в правильной организации самого разума, с тем, чтобы он во всех случаях был склонен принимать лишь то, что соответствует достоинству и превосходству разумного сознания»¹. Это основная часть трактата, это концентрация локковой идеологии.

Собственно нравственное воспитание включает в себя воспитание добродетели, мудрости, благовоспитанности и знания, и оно отнесено к концу второй части.

1. В качестве основы добродетели Локк считает необходимым как можно раньше запечатлеть в душе ребенка истинное понятие о Боге. Второе необходимое здесь качество — это всегда говорить безусловную правду: «Ребенок должен знать, что ему скорее простятся двадцать других проступков, чем один случай уклонения от истины»².

2. Мудрость Локк понимает «как умелое и предусмотрительное ведение своих дел в этом мире. Она является продуктом сочетания хорошего природного характера, деятельного ума и опыта и в этом смысле недоступна детям». Все, что можно сделать с детьми в формировании этого качества, — это опять же «приучить их к правде и искренности, к подчинению разуму

и, насколько возможно, к обдумыванию своих поступков»³.

3. Благовоспитанность. Здесь Локк идет «от обратного» — он, прежде всего, говорит о неблаговоспитанности, которая включает в себя: природную грубость, презрительность по отношению к людям, придирчивость и выискивание недостатков у окружающих, привычку им противоречить, пребывать говорящих, раздражительность и, наконец, преувеличенную церемонность либо застенчивость. В качестве образца Локк описывает людей благовоспитанных: обходительных и с хорошими манерами — как бы очерчивая тот горизонт, по направлению к которому следует двигаться.

Но «великий принцип и основа всякой добродетели и достоинства заключаются в том, чтобы человек был способен отказываться от своих желаний, поступать вопреки своим наклонностям и следовать исключительно тому, что указывает разум как самое лучшее, хотя бы непосредственное желание влекло его в другую сторону»⁴. Раскрытию этого тезиса посвящена почти целиком вторая часть трактата. Локк формулирует его вновь и вновь, то кратко и директивно, то пространно и красноречиво, обращаясь то к своим наблюдениям — уже в качестве воспитателя, то опять к опыту древних. Порой он рисует перед испуганными родителями серию ужасных картин, которая будет ждаться их, если они не будут наказывать ребенка за шалости:

¹ Локк Дж. Мысли о воспитании... С. 432.

² Там же. С. 536

³ Там же. С. 537

⁴ Там же. С. 432.

«Если предоставить <дурным привычкам> развиваться свободно, то, начавшись с пустяковых объектов — с булавок и вишневых косточек, эти привычки перерастут в крупные плутни и могут в конечном результате превратиться в закоренелую нечестность»¹.

Литература XVII столетия изобилует ледящими кровь примерами того же ряда. Вспомним первый русский детский рассказ «Приглашение о сыне и матери», в котором рассказывается о том, как сын, начав с кражи книжки у школьного товарища, дошел до виселицы. Когда его вели на казнь, он увидел в толпе свою мать и попросил у стражников разрешения приблизиться к ней и сказать ей кое-что на ухо. Когда же он наклонился к матери, то, вместо того, чтобы что-то сказать, откусил ей ухо. Стражники начали его бить, приговаривая, что он не только вор, но, что гораздо хуже, не почитает свою мать. Сын же ответил, что она виновница всех его бед, потому что не выпорола его, когда он украл свою первую книжку.

Ну, как после этого родителям не вздрогнуть и не поверить Локку. «Ибо если лучше ребенку дать виноград или леденец, когда ему это захочется, чем дать бедному дитяти расплакаться или огорчить его, — спрашивает Локк, — то почему, когда он станет взрослым, не следует удовлетворить его желанья, которые тянут его к вину или к женщинам?»².

Соответственно, родители долж-

ны обезопасить себя от воплощения в жизнь нарисованной автором картины и дать ребенку понять, что послабления не будет и ему готовы при всяком опасном случае дать отпор: «Постоянный отказ в том, чего они требуют или хотят самовольно взять, должен научить их скромности, покорности и уменью сдерживаться»³.

В какой-то момент интонация трактата меняется: Локк больше не рассказывает баек из жизни горцев либо древней истории, он исчерпывающе формулирует пояснительную записку к дисциплинарной инструкции либо документ, имеющий законодательную силу: «...кто ставит своею целью всегда управлять своими детьми, тот должен начинать это, пока те еще очень малы, и следить за тем, чтобы они полностью подчинялись воле родителей»⁴.

В сущности, эта часть трактата и может быть издана отдельно как указ или проект закона. Как язык власти, потому что язык локкова трактата приближается здесь к политическому дискурсу — языку приказов, директив, инструкций. Локковы родители управляют своими детьми так же, как власти Англии управляют гражданами: «Вы хотите, чтобы ваш сын, выйдя из детских лет, вас слушался? В таком случае вы непременно должны установить свой отцовский авторитет возможно раньше, а именно как только он стал способен подчиняться и принимать, в чьей власти находится»⁵.

¹ Там же. С. 506.

² Там же. С. 434.

³ Там же. С. 502

⁴ Там же. С. 439.

⁵ Там же. С.439

Еще любопытно то, что ребенок здесь — потенциальный правонарушитель, преступник: «Они хотят, чтобы другие подчинялись их желаниям»¹. «Они стремятся к обладанию и к собственности» (Там же, параграф 103). Любовь к власти и господству, оказывается, проявляется у детей в самом раннем возрасте. «Ребенок командовал своей няней до того, как научился говорить или ходить; он командовал своими родителями с тех пор, как научился лепетать. Почему же теперь, когда он стал сильнее и умнее, чем был тогда, он должен стать сдержанным и покорным?»².

Воспитательные меры воздействия оказываются в чем-то более эффективными, нежели карательные, даже с точки зрения экономической — локкова система позволяет сэкономить на институтах надзора, потому что производит надзирателя за правонарушителем в одном индивиде, т. е. в самом себе. Именно стремление к экономическому удешевлению надзора и наказания вызвало к жизни рост дисциплинарных практик, которые сетью опутывали все области общественной жизни, приучая индивида к постоянному надзору за ним, а значит, к соблюдению правил и постепенно — к надзору за самим собой.

Как воспитывается внутренний надзиратель, как раз очень хорошо показано у Локка. Общее правило здесь заключается в следующем: «Страх и почтительность должны дать вам первую власть над их душами <детей>,

а любовь и дружба должны закрепить ее: ибо придет время, когда они перерастут розги и исправительные меры воздействия, и тогда... если любовь к вам не сделает их послушными и не внушит им чувство долга, если любовь к добродетели и желание поддержать свою репутацию не будет их удерживать на достойном пути, то какое у вас будет средство повернуть их на этот путь?»².

Вот что пишет об этом М. Фуко: «Глупый деспот приковывает рабов железными цепями; истинный политик связывает их еще крепче цепью их собственных мыслей; первое ее звено он закрепляет в надежной точке — в разуме. *Связь эта тем крепче, что мы не знаем, чем она держится, и считаем ее делом собственных рук* <курсив наш — почти дословно то же будет сказано у Локка — А. С.>. Отчаяние и время разъедают скрепы из железа и стали, но бессильны против привычного соединения мыслей, разве лишь укрепляя его. На мягких волокнах мозга возводится прочный фундамент мощнейших империй»³.

Конечная цель трактата: воспитание индивида, который будет управлять самим собой в соответствии с теми правилами, привычка следовать которым была выработана у него с детства. Отсюда жесткие ограничения физического воспитания по Локку — не о здоровье ребенка его забота, а о том, чтобы научить его смирять и ограничивать свои желания; подчиняя его волю воле воспитателя, в нем са-

¹ Там же. С. 499.

² Там же. С. 440.

³ Фуко М. Надзирать и наказывать...

мом постепенно вырастить внутренне-го контролера: «Всякий человек должен рано или поздно быть предоставлен самому себе, своему собственному руководству, и хороший, добродетельный и способный человек должен быть воспитан таковым внутренне. Поэтому все, что он должен получить от воспитания и что должно повлиять на его жизнь, необходимо своевременно вложить в его душу, а именно *привычки, крепко переплетенные с самыми основами его природы* <здесь и далее курсив наш>...»¹. Перед нами те глубокие и эффективные практики надзора, о которых пишет Фуко: мало надзора внешнего, нужен надзор внутренний. Кстати, наказания Локк считает не самым эффективным средством: «...я весьма склонен думать, что очень строгие наказания приносят в воспитании очень мало пользы»². Действительно, они почти излишни — зачем нужно наказание, если система Локка разрабатывает не могущий встретить сопротивления и отпора способ предупредить нарушение: «Послушание и уступчивость, внушенные детям... *в столь раннем возрасте, что дети не могут помнить, как эти качества у них появились, будут казаться детям естественными* и в дальнейшем будут проявлять свое действие с силой природных качеств, предупреждая всякое сопротивление и недовольства. Нужно лишь... начать применение этого метода в раннем возрасте, а за-

тем неуклонно его держаться до тех пор, пока почтительный страх и уважение к родителям не войдут у детей в привычку, пока не исчезнут малейшие проявления непокорности..., и они не проникнутся готовностью слушаться. *Именно эта почтительность... должна явиться в будущем... средством воздействия на них, а не побои, брань и другие унижительные наказания*»³.

Аналогом такой системы является, пожалуй, дрессировка животных — ценных, породистых животных, чего сам Локк, кстати, и не скрывает: «Как правило, мы обладаем достаточным благоразумием, чтобы начинать уход за ними <животными — собаками и лошадьми> с очень ранних лет и чтобы своевременно их дисциплинировать, если только мы хотим их сделать полезными и на что-либо годными»⁴.

Что ж, дрессировка, отличающаяся разумной суровостью более прогрессивна, чем жестокая брань, побои (порой переходящие в истязания — вспомним, как в первой рукописной русской книге — «Азбуке» Ивана Федорова — автор призывал родителей «не сокрушать ребры» и «не учащать раны»), наказание голодом, широко применявшиеся по отношению к детям и до Локка, и в его времена. «Грубая дисциплина розги», — скажет Локк в другом параграфе своего трактата. Грубая — потому что розга недостаточно гибкий инструмент управления. Дисциплинарные практи-

1 Там же. С. 440.

2 Там же. С. 441.

3 Там же. С. 441.

4 Там же. С. 434.

ки Нового времени отказываются от прямого физического воздействия.

Итак, конечный продукт воспитания, как его формулирует Локк: «...основа всякой добродетели и всякого достоинства заключается в способности человека отказываться от удовлетворения своих желаний, когда разум не одобряет их. Эту способность надо приобретать и совершенствовать посредством привычки, которая становится легкой и естественной, если упражняться в ней с ранних лет»¹.

Какие же способы наградить либо наказать ребенка должен найти воспитатель, отказавшись от розги?² Одобрение либо неодобрение окружающих: «...если отец ласкает и хвалит их, когда они ведут себя хорошо, и показывает внешнюю холодность и невнимание к ним, когда они ведут себя дурно, и если одновременно подобным же образом проявляют себя по отношению к ним мать и прочие окружающие, то потребуются немного времени, чтобы сделать детей чувствительными к этой разнице в отношениях». Пожалуй, это не менее мучительное наказание, поскольку затрагивает более тонкие и более глубокие чувства ребенка — доверие его к домашним и уверенность в их любви и поддержке, которая сообщает ему уверенность в самом себе. Причем Локк об этом хорошо знает, он прекрасно разбирается в тонких душевных движениях ребенка. Локк знает, что критика манер человека, прозвучавшая даже в самой мягкой форме, все равно будет вос-

принята болезненно. Так вот, отдавая отчет в том, что такое наказание для ребенка болезненней, чем порка, — и именно потому, что оно гораздо болезненней (дольше действует) Локк рекомендует его применять.

В таком «подвешенном» состоянии Локк рекомендует держать ребенка до тех пор, пока он не раскается полностью, не поддаваясь жалости к нему: «...не следует быстро менять гнев на милость, нужно возвращать детям прежнюю ласку не сразу и полное примирение откладывать до тех пор, пока их покорность и исключительно хорошее поведение не докажут их исправления»².

Но таким образом, скажем мы, выстраивается более тонкая и изощренная система наказания, нежели при использовании розги — система, в которой ребенок управляется за ниточки эмоциональных привязанностей, вообще чувств, переживаний, с годами становящихся более богатыми, формирующимися, оказывающими влияние на всю дальнейшую жизнь — о чем розге не приходилось и мечтать: «...этот метод обращения с детьми, если его держаться неуклонно, будет сам по себе оказывать большее действие, чем угрозы и побои, которые теряют свою силу, когда они становятся привычными, и делаются неприемлемыми, когда не сопровождаются чувством стыда»³.

Ребенок должен обязательно испытывать стыд (Локк пишет, что охотно ограничил бы этим все наказания) — стыд может сопровождать

¹ Там же. С. 437.

² Там же. С. 449.

³ Там же. С. 447.

и физическое наказание, поскольку порка позорна, но так как при порке ребенок, пожалуй, может испытать не стыд, а негодование, неприязнь и даже ненависть к обидчику, порка неэффективна. Стыд более сильнодействующее средство — в отличие от физической боли, которая со временем проходит, ребенок может испытывать стыд очень долго, через дни, недели, месяцы, годы и десятилетия, вспоминая какой-либо недостойный свой поступок, он может стыдиться его (очень хорошо это показывает Толстой в трилогии «Детство. Отрочество. Юность», герой-рассказчик которой, через много лет описывая свою жизнь, вновь переживает чувство стыда, которое испытал ребенком, обидев учителя Карла Ивановича — первая глава «Детства»). Стыд, таким образом, выступает как средство формирования внутреннего надзирателя — в силу того, что он является таковым уже в момент, когда испытывается. Что такое стыд? Это присутствие в нас тех норм и правил, которые мы нарушаем, присутствие нашего воспитателя даже в тот момент, когда физически он находится далеко. Стыд — это одно из чувств, либо качеств личности, либо внутренних состояний, в которых в человеке проявляется присутствие другого человека либо общества. Об этом пишет Ж.-Ф. Лиотар: «Присутствие другого проявляется через мой стыд, мой страх, мою гордость...»¹.

Далее следует своеобразная экономия наказания: «Выговоры и упреки...

следует делать не только в спокойном, серьезном и бесстрастном тоне; наоборот, похвалу, если дети ее заслужили, они должны получать в присутствии посторонних. Похвала, когда она высказывается гласно, становится двойной похвалой; наоборот, когда родители показывают, что они не желают оглашать проступки своих детей, это заставляет последних больше дорожить своей репутацией и приучает их больше заботиться о сохранении хорошего мнения других людей, пока они думают, что пользуются им»². Наказание как будто отодвигается, тем самым ребенку дается возможность исправиться, а в то же самое время и совершается — ведь страх потерять уважение окружающих, страх утратить репутацию все-таки переживается в этот момент, поскольку ребенок представляет, что произошло бы, если бы за проступок его выбрали бы при посторонних. Итак, наказание осуществляется так, чтобы предупредить будущие проступки, наказание не окончательно, оно дает ребенку возможность исправиться. М. Фуко в своей монографии пишет: «Надо рассчитывать наказание, памятуя о его возможном повторении, а не в зависимости от характера преступления. Надо добиваться того, чтобы у злоумышленника не возникло желания повторить преступление и чтобы возможность появления подражателей была исключена»³.

Есть и экономия страха: «Конечно, родители и воспитатели должны уста-

¹ Лиотар Ж.-Ф. Феноменология; пер. с франц. и послесл. Б. Г. Соколова. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. филос. фак. СПбГУ: Алетейя, 2001. С. 31.

² Локк Дж. Мысли о воспитании...

³ Фуко М. Надзирать и наказывать...

навливать и укреплять свой авторитет над теми, кто находится под их опекой, внушать им для достижения этой цели почтительный страх и при помощи своего авторитета управлять ими. Но, получив такое господство над ними, они должны пользоваться им с большой умеренностью и не делать из себя пугало, в присутствии которого ученики вечно должны дрожать»¹.

В какой же момент воздействие розги становится не только желательным, но и необходимым? «...есть один проступок, и только один, за который... следует подвергать детей физическому наказанию, именно — упорство и открытое неповиновение»². Тут Локк рассказывает историю своей знакомой, «разумной и доброй матери», которая «принуждена была в подобном случае свою маленькую дочь, только что взятую от кормилицы, высечь восемь раз подряд в одно и то же утро, пока ей удалось преодолеть ее упрямство и добиться повиновения в одной, собственно говоря, пустой и незначительной вещи» — поразительный пример. Разумная и добрая мать собственноручно секла маленькую дочь, пока «не согнула ее духа и не сделала податливой ее волю, что является единственной целью исправления и наказания»³. Итак, главная цель воспитания — повиновение: ребенка — родителю, человека — власти. Неважно, насколько серьезно было преступление — наказание должно утвердить право власти наказывать, сломить сопротивление и добиться

полного повиновения. Вот, например, как можно узнать, достигло ли наказание своей цели: если после сечения ребенок «перестает плакать по вашему приказанию». Если же ребенок упорно продолжает плакать — от сечения ли, по другой ли причине, то нужно его побить: «Поскольку причина плача лежит в гордости, упорстве и строптивости, нужно сломить ту волю, в которой сидит порок, нужно покорить ее, применяя силу, достаточную для ее одоления». В крайнем случае, на плач всегда нужно реагировать «выражением порицания».

Каким же образом ребенок должен усвоить правила поведения в обществе? Лучший и даже можно сказать наилучший способ — многократное упражнение, вырабатывающее привычку. Например, для воспитанного человека поклониться знакомому при приветствии — это совершенно автоматическое действие. Но Локк проговаривается, что речь идет о гораздо большем, чем вырабатывание этикетных норм: «...таким же способом вы можете искоренить в детях один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки». Фуко здесь пишет: «Упражнение есть техника, посредством которой телам диктовались задания — одновременно повторяющиеся и различные, но всегда распределенные в порядке усложнения. Направляя поведение к некоему конечному состоянию, упражнение позволяет непрерывно характеризовать индивида либо относительно этого состояния, либо

¹ Локк Дж. Мысли о воспитании... С. 562.

² Там же. С. 470

³ Там же. С. 471

относительно прочих индивидов, либо относительно типа его пути. Тем самым упражнение обеспечивает, в форме преемственности и принуждения, рост, наблюдение и оценку»¹.

Именно система постепенно усложняющихся упражнений позволяет Локку воспитать в ребенке собственного надзирателя: «Это будет порождать у них привычки, которые, раз установившись, будут действовать сами собой, легко и естественно, без помощи со стороны памяти»². Далее цитата, в которой процесс воспитания предстает вылепливанием образца из несовершенного материала, либо отсечение от заготовки всего лишнего, для чего нужно знать пластические возможности материала и представлять нормативный образец, т. е. перед нами то, что опять же фиксирует и М. Фуко: в Новое время зарождается представление о человеческой норме. Для того чтобы выявить отклонения от этой нормы, изучают заключенного и ребенка — в одном случае, чтобы наказать либо предотвратить правонарушение, в другом — чтобы приблизить ребенка к образцу: «...тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частых испытаний следить за тем, ...каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и использовать. Он должен подумать над тем, чего им недостает и могут ли они это приобрести с помощью прилежания и усвоить путем практики...»³.

Удивительно, что при посылке муштры и выработывания привычки несколько страниц Локк посвящает рассуждению о том, как неприятна манерность и неестественность и как приятна простота и безыскусственность. Но это кажущееся противоречие — подобное тем противоречиям из первой части трактата, которые мы уже анализировали. Например, между призывом не устанавливать определенные часы для приема пищи, поскольку наш организм лучше знает, когда нам следует есть — и рекомендацией, какие продукты следует употреблять в пищу, причем с точки зрения уже не желаний организма, а совершенствования нравов — искоренения изнеженности и своеволия. Локк не задавался вопросом, почему дети так любят сладости и фрукты — может ли в них быть какая-то польза здоровью. Для него важно, что сладости и фрукты являются объектами страстного желания, от них ребенок получает удовольствия, и потому они под запретом. В данном случае манерность — будь то недостаток или избыток манер — прежде всего недостаточное усердие при дрессировке. Простота и безыскусственность, о которых пишет Локк, — это не незнание правил этикета, а, напротив, их совершенное знание, привычка, доведенная до автоматизма.

Важна также «хорошая среда» — эта фраза подчеркивает, что Локк говорит не о воспитании ребенка вообще, любого ребенка, а о маленьком

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать...

² Локк Дж. Мысли о воспитании... С. 452.

³ Там же. С. 453

джентльмене, который должен впитать все убеждения и привычки своего сословия, обеспечивая тем самым преемственность и само его существование. Задолго до того, как Оксфорд и Кембридж стали «фабриками джентльменов», Локк выдвигал такую задачу. «Самое большое влияние на их поведение будет оказывать общество, в котором они возвращаются, и поведение тех людей, которые за ними смотрят». Здесь перед нами замечательный пример формирования воображаемого сообщества — английских джентльменов.

Для того чтобы ребенок воспринимал в качестве образца достойные примеры, он должен учиться дома, а не в школе. Несколько параграфов Локк посвящает энергичной критике школьной среды, в которой распространены грубость и порок, ребенок может утратить добродетель, научиться дерзости, плутовству и насилию, получив взамен слабые познания в латыни и греческом. Но порой складывается впечатление, что Локк опасается иного: «...как приобщение к разношерстной толпе недисциплинированных мальчишек, где он обучится ссорам при игре в трэп или плутовству при игре в спэн-фартинг, может подготовить его к светскому обращению или к деловым отношениям, — этого я не понимаю». «Разношерстная толпа недисциплинированных мальчишек», конечно, весьма далека от той среды, которая формирует будущего джентльмена, и того урвня муштры, который необходим для его формирования.

Кроме того, школа для ребенка — это возможность ускользнуть от дисциплинирующего влияния родительского дома, возможность проявить себя, одним словом, свобода, хотя и временная. А это очень плохо, потому что только «скромность и подчинение делают их более подходящими объектами для воспитания»¹.

М. Фуко показывает, что так возмущавшая Локка недисциплинированность школы в скором времени отойдет в прошлое — школа станет одним из испытательных полигонов применения новых дисциплинарных практик²: «В XVIII веке “ранг” начинает определять основную форму распределения индивидов в школьном порядке. Ряды учеников в классах, коридорах и дворах. Ранг, присваиваемый каждому ученику в результате каждого задания или испытания. Ранг, достигаемый каждым из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год. Выстраивание классов друг за другом по старшинству, последовательность преподаваемых дисциплин, вопросы, рассматриваемые в порядке возрастающей сложности» и т. д. Но в том-то и дело, что даже при такой формализованности, что-то всегда ускользает от надзора: разговоры на переменах, переглядывания и шушуканья во время урока, пущенная по рядам записка, да само по себе несогласие с расписанием и содержанием занятий, молчаливый бунт, — школа все равно была и остается прибежищем свободомыслия и своеволия для ребенка, поэтому Локк, не жалея сил, рисует перед родителя-

¹ Там же. С. 461.

² Фуко М. Надзирать и наказывать...

ми страшные картины разврата и порока, которые царят в мире и в школе, в частности: «...порок в наши дни так быстро созревает и так рано пускает корни среди молодежи, что подросток не будет застрахован от этой распространённой заразы, если вы решитесь выпустить его из дому в общую массу сверстников и в выборе школьных товарищей доверитесь случаю или его собственным наклонностям»¹.

И вот так, прибегая то к муштре, бесконечно упражняясь в полезных навыках и подвергая остракизму вредные качества, «можно было бы искоренить один недостаток за другим по мере их проявления, не оставляя ни следа, ни воспоминания, что они были когда-то»². М. Фуко комментирует это так: «Надо уметь обтесывать камни. Можно написать целую историю такого “обтесывания камней” — историю утилитарной рационализации детали в моральном учете и политическом контроле. Она началась ранее классического века, но он ускорил ее, изменил ее масштаб, дал ей точные инструменты...»³.

Третья часть трактата Локка посвящена воспитанию ума. Но она гораздо менее важна, нежели предшествующая: «Обучать мальчика нужно, но это должно быть на втором плане, только как вспомогательное средство для развития более важных качеств»⁴.

Центральная идея третьей части: образование должно быть, как бы мы сказали сейчас, практически ориентированным. Следовательно, учить ребенка нужно тому, что будущему джентльмену пригодится в жизни — «наибольшие усилия следует приложить к тому, что более всего необходимо, и обращать главное внимание на то, что более всего и чаще всего пригодится ему в свете»⁵.

Итак, что же будущий джентльмен должен знать? Знаменательно то, что локковский учебный план задуман как движение от простого к более сложному, подразумевает опору на уже изученное, т. е. построен как система упражнений, распределённых в порядке усложнения, а значит, как и другие части его педагогической системы, отвечает общей тенденции к возрастанию дисциплинарных практик.

1. Когда ребенок научился говорить, нужно учить его читать.

2. «Когда... ребенок начнет читать, дайте ему в руки какую-нибудь легкую и занимательную книгу, доступную его пониманию, содержание которой могло бы увлечь его и вознаградить за труд, потраченный на чтение, но во всяком случае не такую, которая набила бы ему голову совершенно бесполезным хламом или заложила в нем начала порока или неблагоприятия»⁶. В качестве таковой

¹ Локк Дж. Мысли о воспитании... С. 463.

² Там же. С. 478.

³ Фуко М. Надзирать и наказывать...

⁴ Локк Дж. Мысли о воспитании... С. 547.

⁵ Там же. С. 492.

⁶ Там же. С. 561.

Локк советует басни Эзопа, сборник-перечень нравоучительных аллегорий. Относительно других возможных книг он говорит, что «вследствие господства в деле воспитания детей школьных методов, ориентированных на то, чтобы принуждать их к чтению страхом розги, а не привлекать к занятиям удовольствием, получаемым от него, такого рода полезные книги теряются среди массы всяких глупых книг и остаются в пренебрежении», т. е. он таких не знает, кроме, естественно, молитвенника, псалтыри, Нового завета и Библии, под которой имеет в виду Ветхий завет, однако не целиком, а избранные главы, к которым относятся история Иосифа и его братьев, Давида и Голиафа и другие «подобные доступные и ясные моральные правила». Но вскоре в английской литературе появится не так уж мало произведений, в принципе предназначенных для воспитания юношества, но обладающих при этом живой и занимательной художественной формой. Последнее принципиально: «Если они <дети> не принимаются за свои книги с любовью и охотой, то нет ничего удивительного в том, что их мысли постоянно уносятся от того, что внушает им отвращение, и ищут лучшего развлечения в более приятных предметах, за которыми они и будут неизбежно гоняться»¹. Итак, Локк знает о том, что по отношению к книге, которую ребенок должен прочитать, он будет испытывать прямо противоположное. В том же случае, если книга увлекательная, допустим,

авантюрно-приключенческая, ребенок будет испытывать желание ее прочесть — может быть, поэтому многие просветители от написания трактатов и памфлетов обратились к сочинению художественных произведений? Но книга должна в то же время воспитывать в ребенке хорошие качества — Локк их уже перечислил, на что вряд ли сгодится любой авантюрный роман. А вот роман воспитания — сгодится. Итак, роман воспитания более эффективен, нежели какой-нибудь «Трактат о должностях человека и гражданина», поскольку будет читаться без всякого принуждения, по своей воле. Локк ведь против того, чтобы делать «принудительную работу из <детских> уроков и вообще из всего того, чему мы желаем их научить». Этого делать не нужно, нужно втягивать детей в работу «незаметным для них способом»². А что может быть незаметнее воспитывающего воздействия книги, которая рассказывает о приключениях и странствиях — например, «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо?

3. Когда ребенок научился хорошо читать, пора приступить к обучению его письму: «Для этого следует раньше всего научить его правильно держать перо; и только после того, как он полностью освоится с этим, можно позволить ему приложить перо к бумаге. ... Когда ребенок научится правильно держать перо, следует показать ему, как он должен класть перед собой бумагу и какое положение придать своей руке и телу. Когда он овладеет этими приемами, можно без больших затруднений

¹ Там же. С. 561

² Там же. С. 527.

научить его писать, доставши доску с вырезанными на ней буквами... С такой выгравированной доски нужно сделать оттиски на нескольких листах хорошей бумаги красными чернилами, и обучающемуся остается только обводить буквы хорошим пером черными чернилами. Если предварительно показать ему, как надо начинать писать каждую букву, как обводить ее, его рука быстро освоится с формами этих букв. Когда он научится хорошо обводить буквы, он должен перейти к упражнениям на чистой бумаге. Таким приемом вы легко сможете научить его писать любым почерком по вашему желанию»¹. Перед нами своеобразная экономия тела, расчет целесообразности каждого жеста. «Дисциплинарный контроль ... насаждает наилучшее соотношение между жестом и общим положением тела, которое является условием его эффективности и быстроты», — пишет М. Фуко, и у него мы можем обнаружить совершенно идентичную цитату из педагогического циркуляра XVIII в., иллюстрирующую обучение детей письму.

4. Когда ребенок выучился писать, следует научить его рисовать — это умение оказывается в будущем полезным, особенно для путешествующего джентльмена.

5. Как только ребенок стал хорошо говорить по-английски, ему следует начать учиться какому-либо другому языку, лучше всего французскому, поскольку он пригодится джентльмену в будущем.

6. Одновременно с изучением языков нужно начинать изучение арифметики, географии, хронологии, истории и геометрии. Изучать нужно ровно столько сведений, сколько пригодится джентльмену в дальнейшей жизни — скажем, шести законов геометрии Евклида будет вполне достаточно.

7. Также нужно изучать законы своей страны. Странно было бы думать, замечает Локк, что английский джентльмен может быть незнаком с ними.

8. А вот риторика и логика не слишком нужны, потому что невозможно научиться говорить и рассуждать, изучая правила.

9. Ребенок должен получить самое общее представление о нескольких натурфилософских системах — «скорее ради знакомства с гипотезами и для понимания терминов и способов выражения различных школ»² (с. 588). Куда более полезны для будущего джентльмена «многие сочинения м-ра Бойля и других авторов, писавших по сельскому хозяйству, растениеводству и садоводству»³.

Помимо того, что «может приобретаться учением и из книг, джентльмену необходимо обладать некоторыми другими внешними талантами», здесь имеются в виду танцы, верховая езда и фехтование (последним Локк советует не увлекаться, поскольку оно, может быть, и полезно для здоровья, но опасно для жизни).

Наконец, джентльмен должен обучиться нескольким ремеслам. Это

¹ Там же. С. 555.

² Там же. С. 588.

³ Там же. С. 589.

может быть живопись, токарное и кузнечное дело, садоводство, плотницкие, столярные либо токарные работы, лакирование, гравирование и некоторые виды работ по железу, меди и серебру, огранка и оправка драгоценных камней, шлифовка и полировка оптических стекол, даже изготовление духов. Локк убеждает своих читателей, что это принесет большую пользу здоровью юного джентльмена, поскольку большинство из этих ремесел предполагает нахождение на свежем воздухе, кроме того, перемена деятельности, т. е. труд физический после умственных занятий и есть лучший отдых. Мы здесь не можем не вспомнить «Робинзона Крузо» и его автора, который, кажется, задался целью показать, что абсолютное большинство этих ремесел человеку необходимо для того, чтобы выжить.

И, заканчивая разговор о воспитании, Локк еще раз напоминает читателям: «Научите джентльмена властвовать над своими наклонностями и подчинять свои влечения разуму. Если это достигнуто и благодаря постоянной практике вошло в привычку, то самая трудная часть задачи выполнена. Чтобы привести молодого человека к такому результату, я не знаю лучшего средства, чем любовь к похвале и одобрению, которую поэтому следует внедрять всеми мыслимыми способами. Сделайте его душу возможно более чувствительной к чести и позору; и когда вы этого добились, вы тем самым вложили в него начало,

которое будет влиять на его поступки и в вашем отсутствии»¹.

«Этот дискурс, — пишет М. Фуко, — давал (через теорию интересов, представлений и знаков, через восстанавливаемые им последовательности и генезисы) своего рода общий рецепт отправления власти над людьми: “сознание” как поверхность для надписывания знаков власти, использующей семиотику как инструмент; *подчинение тел посредством контроля над мыслями* <курсив наш — А. С.>»²

Английская просветительская литература, находясь под огромным впечатлением трактата Локка, проводила эти идеи в широкие слои читателей. Так, различные виды физических упражнений и список нужных джентльмену ремесел мы встретим у Д. Дефо, а перечень качеств добродетельного человека в своей иронической манере проиллюстрирует Г. Филдинг.

Вот в целом тот комплекс причин, которые вызвали к жизни роман воспитания — призванный правильно воспитать человека для жизни в разумном мире либо перевоспитать неразумное общество, он был детищем художественной литературы и в той же мере просветительской идеологии. Роман воспитания появляется в эпоху, которая социальное реформирование видит как исправление человеческой природы и осуществляет его на путях стандартизации социокультурных практик, т. е. в ракурсе общей парадигмы современности. Он полно-

¹ Там же. С. 596.

² Фуко М. Надзирать и наказывать...

стью отвечает задачам исправления неразумно устроенного мира в силу своих художественных особенностей: так, его «средний» герой является репрезентацией целого поколения, на протяжении повествования он высту-

пает как «воспитуемый жизнью», в содержании образовательных ступеней отражается представление автора о тех качествах, которые необходимы современному субъекту.

Список литературы

1. Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / И. Кант // Соч. В 6 т. Т. 6 : пер. / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др. — М. : Мысль, 1966. — 743 с.
2. Кларк, Д. Б. Потребление и город, современность и постсовременность / Д. Б. Кларк // Логос. — 2002. — № 3–4 (34). — С. 35–64.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Феноменология / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с франц. и послесл. Б. Г. Соколова. — СПб. : Лаб. метафиз. исслед. филос. фак. СПбГУ : Алетейя, 2001. — 160 с.
4. Локк, Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк // Соч. В 3 т. Т. 3 : пер. с англ. и лат. / Дж. Локк. — М. : Мысль, 1988. — 668 с.
5. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Педагогические сочинения : в 2 т. Т. 1 / Ж.-Ж. Руссо ; под ред. Г. Н. Джибладзе. — М. : Педагогика, 1981. — 656 с.
6. Фуко, М. Надзирать и наказывать [Электронный ресурс] / М. Фуко ; пер. с франц. Владимира Наумова под ред. Ирины Борисовой. — М. : Ad Marginem, 1999. — Режим доступа: http://philosophy.ru:81/library/foucault/03/fuko_nakazanie.htm.